

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6

Original article

ЗАЙЦЕВА Елена Александровна
Волгоградская академия МВД России,
Волгоград, Россия,
e-mail: gennadiv@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8608-633X>

ZAYTSEVA Elena Aleksandrovna
Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Volgograd, Russia.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

RETURNING A CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR AND BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

Аннотация. Публичный по своей природе уголовный процесс требует в цивилизованных государствах соблюдения баланса публичного и частного интересов. Подходы Конституционного Суда РФ к определению указанного баланса не всегда точно воплощаются законодателем во вновь принятых уголовно-процессуальных нормах. В последние годы в ряде институтов уголовно-процессуального права наблюдается постепенное усиление публичных начал и сужение сферы частного интереса. Иллюстрацией этого выступает правовой институт возвращения уголовного дела прокурору. Цель: анализ норм правового института возвращения уголовного дела прокурору сквозь призму баланса частного и публичного интересов. Методы: сравнительно-правовой, исторический, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило обосновать тезис, что баланс частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве – весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор); выявлены основные тренды в установлении данного баланса в системе норм правового института возвращения уголовного дела прокурору.

Ключевые слова: публичный интерес, частный интерес, баланс частного и публичного, возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование, правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ

Для цитирования: Зайцева Е.А. Возвращение уголовного дела прокурору и обеспечение баланса публичного и частного интереса / Е.А. Зайцева. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 59–68.

Abstract. Criminal proceedings, being public by their nature, require in civilised states a balance between public and private interests. The approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation to determining this balance are not always accurately embodied by the legislator in newly adopted criminal procedural norms. In recent years, there has been a gradual strengthening of public principles and narrowing of the sphere of private interest in a number of institutions of criminal procedure law. This is illustrated by the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor. Purpose: to analyse the norms of the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor through the prism of the balance of private and public interests. Methods: comparative-legal, historical, legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study allows to substantiate the thesis that the balance of private and public principles in criminal proceedings is a very mobile “substance”, which is under the influence of constantly developing social relations (objective factor) and requests of ruling elites (subjective factor); the article reveals the main trends in the establishment of this balance in the system of norms of the legal institution of returning a criminal case to the prosecutor.

Keywords: public interest, private interest, balance of private and public, return of a criminal case to the prosecutor, additional investigation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Zaytseva E.A. Returning a Criminal Case to the Prosecutor and Balancing Public and Private Interests. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 59–68. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.1.6.

Говоря о правах человека, нельзя забывать, что мы говорим не только о правах, но и о самом человеке.
В. Зорькин

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика баланса публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве – благодатная почва для исследования тех или иных правовых институтов, в которых соотношение этих ценностей отражает демократичную (или не вполне демократичную) природу уголовного процесса. Возвращение уголовного дела прокурору, имеющее межстадийный характер, охватывающее широкий спектр уголовно-процессуальных отношений, представляет собой привлекательное исследовательское поле для анализа баланса публичного и частного интересов, чему и посвящена настоящая статья.

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ БАЛАНС ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСОВ?

Подход законодателя к формулированию назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) показывает доминирование частного интереса над публичным, что логично с точки зрения идеологии Уголовно-процессуального кодекса, в первоначальную редакцию которого было заложено множество институтов, отражающих правозащитный и правообеспечительный тренд обновленного законодательства. К такому выводу (о примате частного над публичным в публичной по своей природе уголовно-процессуальной отрасли права) приходит любой читатель второй главы Кодекса, которую открывает ст. 6 УПК РФ, презентующая назначением уголовного процесса в первую очередь защиту интересов частных лиц, а уж потом – «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания». И то в определенном смысле даже в этих двух последних важных аспектах деятельности публичных органов можно усмотреть следование идее защиты частного интереса – того же потерпевшего, к примеру, который по большей части заинтересован в реализации уголовной ответственности.

Возникает закономерный вопрос: действительно ли так обстоят дела в российском уголовном процессе – в смысле «смещения крена» в сторону обеспечения частного интереса – или все-таки соблюдается баланс

частного и публичного¹ в этой важной сфере государственной деятельности? Здесь уместно вспомнить выражение А.В. Смирнова, который очень точно отразил предназначение уголовного судопроизводства: «после войн и революций именно уголовный процесс на протяжении веков оставался в руках политической элиты самым острым, самым заветным орудием политической борьбы»².

И это – данность, объективная закономерность, которую нельзя игнорировать, руководствуясь любыми благими намерениями в стремлении достичь надлежащего уровня цивилизованности уголовного процесса, придать ему правозащитный и правообеспечительный характер. Уголовный процесс – это негативная реакция государства (порой весьма жесткая, с серьезным ограничением охраняемых Конституцией ценностей) на факт совершения запрещенного уголовным законом деяния. Это способ воплощения в жизнь уголовной политики государства, которое, защищаясь от различных криминальных проявлений, не может в ходе этой борьбы пренебречь своими интересами коллективного субъекта в угоду интересам индивидуальных субъектов. На первый взгляд, это звучит несколько цинично, особенно на фоне правозащитной риторики во многих юридических журналах. Но в связи со сказанным вспоминается мнение Ю.К. Орлова, которое показывает, по нашему глубокому убеждению, реальное соотношение публичных и частных интересов в любом государстве: «Когда речь заходит о более высоких социальных ценностях, интересы отдельной личности отходят на задний план ли-

1 Учитывая ограниченный объем статьи, не будем подробно приводить полемику о содержании публичного интереса в уголовном судопроизводстве. Лишь отметим, что в отличие от минималистского подхода к содержанию публичного интереса, который Д.А. Курбанов, М.С. Арутюнян и О.Ю. Хисматуллин видят как «законный интерес, установленный нормами права», как «государственно-общественный интерес» [1, с. 80], автор склонна разделить позицию И.Г. Смирновой, выделяющей в содержании публичного интереса две составляющие: «государственный интерес и подтвержденный государством и законодательно закрепленный общественный интерес как совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственным интересом» [2, с. 17].

2 Смирнов А.В. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iuaj.net/node/1668> (дата обращения: 12.12.2024).

бо вообще не принимаются в расчет... Таким образом, примат интересов отдельной личности над социальным – не более чем химера, иллюзия, утешительный самообман, самомнение и притязание человеческого разума» [3, с. 9].

Рассуждая об этой проблеме, невольно приходишь к мысли, что государства по-разному фиксируют факт примата публичных интересов над частными в стремлении выглядеть демократичным и цивилизованным политическим образованием. Данное стремление с различными нюансами (в зависимости от степени правового цинизма элит) отражается в основных законах государств и нормативных актах, которые в системе своей закрепляют тот самый баланс, соответствующий чаяниям правящих элит и – частично – ожиданиям народонаселения той или иной страны. При этом следует учитывать, что закрепленный в законах баланс частного и публичного начал в плоскости реальных правоотношений не всегда находит воплощение в том формате, который заложен нормативной базой государства. Декларативность многих нормоустановлений, далеких от объективных общественных потребностей и возникающих из них общественных отношений, приводит к тому, что в действительности правового бытия складывается иное соотношение «ценностей», отличное от заявленного законодателем.

Конституционный Суд РФ О БАЛАНСЕ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО

О балансе частного и публичного интересов нередко рассуждает в своих решениях Конституционный Суд РФ, проверяя соответствие конституционно-правовым смыслом тех или иных предписаний нормативных правовых актов³. В зависимости от политической

ситуации решение вопроса о наличии этого баланса в регулируемых проверяемым нормативно-правовым актом отношениях может различаться даже в правовых позициях Конституционного Суда РФ. Так, применительно к сфере административных отношений специалисты замечали смещение акцента в выстраивании того самого баланса: «несмотря на декларируемую конституционную ценность – обеспечение баланса частных и публичных интересов, КС РФ в последнее время отдает приоритет защите публичных интересов» [4]. Аналогичные высказывания можно найти в научной литературе по земельному [5] и финансовому праву [6]. Пожалуй, внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка влияет на отношение государства к поддержанию данного баланса в определенном ракурсе – с учетом решаемых задач по приданию стабильности всей системе государства в тех или иных условиях (что, кстати, сказывается и на деятельности Конституционного Суда РФ).

Не является исключением и сфера уголовно-процессуального права, применительно к которой правовые позиции Конституционного Суда РФ по ряду важных вопросов с течением времени подверглись корректуре самого органа конституционного нормоконтроля. Примером может служить институт возвращения уголовного дела прокурору, который стал предметом пристального внимания Конституционного Суда РФ в 2013 г., когда Суд в знаменитом постановлении по делу Гадаева уточнил свою позицию по положению суда в состязательном уголовном процессе⁴, несмотря на сформированные в период «тихой революции» [7] идейные ориентиры по этому вопросу⁵. Таким образом, можно заключить, что баланс частного и публичного начал в уго-

3 См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булгакова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 377-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области : постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. II), ст. 289.

4 По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28, ст. 3881.

5 Например, ранее, в постановлении от 20.04.1999 № 7-П, Конституционный Суд РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР как возлагающие на суд обязанность по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору «при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» (Собрание законодательства РФ. 1999. № 17, ст. 2205).

ловном судопроизводстве не является константой. Это весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор).

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ И РАСШИРЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО НАЧАЛА

Что касается института возвращения уголовного дела прокурору, то в нем, как в своеобразном зеркале, отразился тренд на сужение сферы частного интереса в пользу доминирования публичного интереса при решении вопроса о дополнительном расследовании. Автор не оговорился: «дополнительное расследование из суда» изначально было «иссечено» из ткани уголовного процесса благодаря усилиям разработчиков УПК РФ, которые не только удалили любое упоминание о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование из судебных стадий (вместо «возвращения уголовного дела судом на дополнительное расследование» появилось «возвращение уголовного дела прокурору»), но и установили 5-суточный срок для устранения выявленных судом нарушений (ч. 2 ст. 237 УПК РФ)⁶. А в 2003 г. законодатель вообще запретил производство следственных действий в период устранения под руководством прокурора препятствий к рассмотрению дела судом (ч. 4 и 5 ст. 237 УПК РФ). Данный запрет, установленный Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ⁷, уже в декабре того же 2003 г. был признан Конституционным Судом РФ противоречащим ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46 и ст. 52 Конституции РФ: «положение части четвертой статьи 237 УПК Российской Федерации, не позволяющее осуществлять необходимые для устранения обнаруженных нарушений следственные и иные процессуальные действия, исключает какое бы то ни было эффективное восстановление нарушенных прав участников судопроизводства не только допустившими эти нарушения органами рассле-

дования, но и при последующем разбирательстве дела судом»⁸.

Примечательно, что Конституционный Суд РФ за три месяца до издания упомянутого Федерального закона № 92-ФЗ однозначно выразил свою позицию относительно важности для защиты частного интереса участников уголовного процесса устранения нарушений закона путем производства необходимых следственных действий по делу, направленному судом прокурору, подчеркивая, что «в противном случае участники уголовного судопроизводства, чьи права и законные интересы были нарушены в ходе досудебного производства, по существу, были бы лишены судебной защиты»⁹. Тем не менее законодатель, внося дополнения в ст. 237 УПК РФ в виде частей 4 и 5, явно проигнорировал правовые позиции Конституционного Суда РФ. С точки зрения целесообразности и социальной ценности права данные нормоустановления можно назвать юридическим «спамом», как образно выразился В.Д. Зорькин¹⁰. И только Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ части 2, 4 и 5 были исключены из ст. 237 УПК РФ¹¹.

Что означала отмена этих ограничений для правоприменителей? По сути – возможность полномасштабного расследования после возвращения уголовного дела из суда, включая выявлениеотягчающих ответственность обвиняемого обстоятельств, установление новых преступных эпизодов. Это позволяет говорить о начале возрождения института дополнительного расследования, который, по

8 По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51, ст. 5026.

9 По делу о проверке конституционности положения пункта 2 части первой и части третьей статьи 232 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Л.И. Батищева, Ю.А. Евграфова, О.В. Фролова и А.В. Шмелева : постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2003 № 2-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12, ст. 1176.

10 Валерий Зорькин: Сон права рождает произвол // Российская газета. 2017. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rg.ru/2017/06/06/valerij-zorkin-son-prava-rozhdaet-proizvol.html> (дата обращения: 01.12.2024).

11 О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

заведенному обыкновению, в стиле реформы УПК РФ 2001 г., продолжают застенчиво именовать «возвращением уголовного дела прокурору». Но эти изменения были сущностными, они кардинально повлияли на природу процессуальной деятельности, осуществляемой по уголовному делу, возвращенному из суда. Представители адвокатского сообщества, с которыми приходилось общаться автору настоящей статьи, отрицательно восприняли указанные преобразования, видя в них усиление публичного начала, «наступление» на частные интересы, создание условий для манкирования презумпцией невиновности.

Конечно, в контексте частного интереса обвиняемого первоначальный, усеченный вариант процессуальной деятельности следователя по возвращенному ему из суда делу был более выгодным, так как существенно ограничивал познавательные возможности следователя в инструментальном и темпоральном аспектах. А это нередко приводило к вынесению оправдательных приговоров ввиду непричастности лица к совершению преступления. Частный интерес потерпевшего в ситуации с запретом производства дополнительных следственных действий по большей части оказывался неудовлетворенным, если эта система норм приводила к оправданию подсудимого. Но данный порядок для потерпевшего в ряде случаев мог повлечь быстрее разрешение уголовного дела с возможностью получения возмещения вреда, причиненного преступлением (хотя в тот период вопросам возмещения вреда потерпевшему, как известно, ни государством, ни властными субъектами не уделялось должного внимания). Таким образом, в отношении потерпевшего в процедуре, установленной редакцией ст. 237 УПК РФ до издания Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ, проявляла себя определенная двойственность, что вряд ли можно признать справедливым с точки зрения баланса частных интересов различных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Любопытным в контексте проблематики настоящей статьи представляется постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П, которым признаются противоречащими конституционным установлениям положения п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 и 418 УПК РФ во взаимосвязи со ст. 237 УПК РФ «в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и

пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления»¹². Признавая возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств «резервным» механизмом устранения несправедливости вступивших в силу судебных актов, Конституционный Суд РФ увидел в существующем нормативном регулировании явно несправедливую систему, не позволяющую ухудшить положение осужденного при обнаружении иных новых обстоятельств, требующих переквалификации его деяния как более тяжкого (что предполагает возвращение уголовного дела прокурору). В определенной степени можно утверждать, что этот дефект норм уголовно-процессуального закона сродни положениям ст. 405 УПК РФ, признанным Конституционным Судом РФ в постановлении от 11 мая 2005 г. № 5-П¹³ неконституционными, так как в обоих случаях потерпевшим ограничивался доступ к правосудию, возможность добиться справедливого судебного решения; обе ситуации в их прежнем нормативном регулировании¹⁴ нарушали баланс таких

12 По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22, ст. 2686.

13 По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 22, ст. 2194.

14 Следует добавить, что, несмотря на адресованное законодателью четкое предписание Конституционного Суда РФ в п. 2 резолютивной части постановления от 16.05.2007 № 6-П в течение 6 месяцев устранить данный дефект норм, законодатель не спешил реагировать на данное постановление и скорректировал положения закона только спустя шесть лет – в 2013 г. (см.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 26.04.2013 № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 17, ст. 2031). Такую же «расторопность» законодатель проявил и по правовым позициям Конституционного Суда РФ, выраженным в постановлении от 11.05.2005 № 5-П: лишь в 2009 г. была введена новая редакция ст. 405 УПК РФ, закрепившая правила поворота к худшему в суде надзорной инстанции (см.: О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14.03.2009 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 11, ст. 1268).

охраняемых ценностей, «как справедливость и стабильность судебных актов»¹⁵.

Ссылка в тексте постановления Конституционного Суда РФ на такие ценности, как «справедливость и стабильность судебных актов», позволяет соотнести их с ценностями, которых касается данная статья. По сути своей, соблюдение требований справедливости и стабильности судебных актов отвечает интересам правосудия в целом, отражает публичный интерес в обеспечении стандартов осуществления судебной власти и достижения ожидаемого социального эффекта от реализации этой важной государственной функции. С другой стороны, справедливость судебных актов в коннотации двух вышеупомянутых постановлений Конституционного Суда предстает не только как воплощение права потерпевших на доступ к правосудию, но и как отражение интереса потерпевших в получении удовлетворения от свершившегося правосудия.

Что касается такой ценности, как стабильность судебных актов, то в определенной степени она значима не только исключительно для размеренного функционирования судебной системы (иначе данная категория приобретет оттенок «самоценности» для чиновничьей составляющей судейского бытия), но и для осужденных, которые, благодаря ей, защищены от произвольного изменения вынесенных по их делам вступивших в силу решений в сторону, ухудшающую их положение.

Продолжая анализировать возвращение уголовного дела прокурору сквозь призму баланса частного и публичного интересов, подчеркнем значимость для развития института возвращения уголовного дела прокурору из суда Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ¹⁶ о реформе судебно-проверочных производств, которым законодатель придал институту возвращения судом уголовного дела прокурору универсальный, межстадийный характер, распространив основания,

предусмотренные ст. 237 УПК РФ, на апелляционное (ч. 3 ст. 389.22 УПК РФ), кассационное (п. 3 ч. 1 ст. 401.14 и ч. 3 ст. 401.15 УПК РФ) и надзорное производство (п. 6 ч. 1 ст. 412.11 УПК РФ). Полагаем, что эти изменения закона также послужили укреплению инструментов защиты публичного интереса (с учетом изложенного в начале настоящей статьи подхода к пониманию содержания последнего).

РЕАНИМАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

Прорывным с точки зрения реанимации возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из суда можно признать Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹⁷, который ввел в систему досудебного производства сокращенную форму дознания. Возможность принятия судом при рассмотрении уголовного дела по существу решения о возвращении уголовного дела прокурору для проведения дознания в общем порядке (ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ) – это по сути своей решение о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование из суда, учитывая сокращенный формат доказывания для дознания, проведенного по правилам гл. 32.1 УПК РФ. При этом законодатель предоставляет суду право самостоятельно (и без ходатайств сторон) принимать такое решение при наличии обстоятельств, указанных в ст. 226.2 и ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ. Полагаем, данные дополнения ст. 237 УПК РФ следует расценивать как усиление публичного начала в совокупности предписаний анализируемого нами института. Они наполнили систему норм правового института возвращения уголовного дела прокурору установлениями, типичными для классического «возвращения уголовного дела для дополнительного расследования из суда», ибо именно в ходе дознания в общем порядке собираются дополнительные доказательства для установления всех обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ для данного случая (в отличие от сокращенной формы дозна-

¹⁵ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда.

¹⁶ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2010 № 433-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1, ст. 45.

¹⁷ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

ния, где дознаватель ограничивается сбором доказательств «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» (ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ)). Вряд ли можно признать такое расследование, проведенное в сокращенном режиме по правилам ст. 226.5 УПК РФ, полноценной основой¹⁸ для принятия окончательных решений по завершении дознания в общем порядке. Именно по этой причине сбор дополнительных доказательств для более точного установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, – неизбежное следствие возвращения уголовного дела на дознание в общем порядке. И здесь мы бы поспорили с Конституционным Судом, утверждавшим, что проведение следственных действий по возвращенному из суда делу «превращает процедуру возвращения дела прокурору для устранения препятствий к его судебному рассмотрению, по существу, в особый порядок движения уголовного дела, не тождественный его возвращению для производства дополнительного расследования»¹⁹.

Продолжая анализировать институт возвращения уголовного дела прокурору в контексте укрепления позиций публичного интереса, отметим дополнение оснований для возвращения уголовного дела прокурору, последовавшее после принятия упомянутого постановления Конституционного Суда РФ № 16-П по жалобе Б.Т. Гадаева. Красноречиво этот вывод подчеркивает цитата из данного постановления: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности

суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны»²⁰. Действительно, Конституционный Суд РФ в постановлении № 16-П сделал решительные шаги от режима благоприятствования защите в пользу примата публичного интереса [10, с. 40].

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

Правоприменительная практика возвращения уголовного дела прокурору выстраивается не только с учетом обновляющегося законодательства, корректирующих его правовых позиций Конституционного Суда РФ, но и с ориентиром на правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, которые содержат сформированное на основе обобщения всероссийской уголовно-процессуальной практики официальное толкование нормативных установлений, обеспечивая стабильность и единообразие правоприменительной деятельности в этой части.

Сразу отметим, что вопросы дополнительного расследования (с учетом прежнего названия соответствующего правового института) были предметом рассмотрения в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, Пленума Верховного Суда СССР²¹, а аспекты возвращения уголовного дела прокурору нашли отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, среди которых особо выделим постановление от 8 декабря 1999 г. № 84, вынесенное до принятия УПК РФ и специально посвященное именно институту возвращения уголовного дела судом для

¹⁸ Здесь мы наблюдаем противоречие между положениями ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, закрепляющими усеченный предмет доказывания для сокращенной формы дознания, и предписаниями ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, ориентирующими дознавателя отражать в обвинительном постановлении почти такой же перечень обстоятельств, что и при составлении обвинительного акта (п. 1–8 ч. 1 ст. 225 УПК РФ). Впрочем, сокращенная форма дознания вся соткана из противоречий, о чем мы неоднократно писали в ряде наших публикаций [8; 9 и др.].

¹⁹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда.

²⁰ Там же.

²¹ О работе Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР : Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 31.03.1961 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.04.1984 № 2 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1984. № 7; О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел на дополнительное расследование : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 № 10 // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 2.

дополнительного расследования²². Хотя правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ в тот период были сформированы под воздействием «тихой революции» Конституционного Суда РФ, что отразилось на педалировании проблематики роли суда в состязательном судопроизводстве, тем не менее и в постановлении от 8 декабря 1999 г. № 84 находят свое закрепление публичные аспекты. Так, Пленум отмечает, что вне зависимости от ходатайств сторон о возвращении уголовного дела на дополнительное расследование суд «принимает решение исходя из интересов всесторонности и объективности исследования обстоятельств рассматриваемого дела»²³.

Минуло 25 лет, и Пленум Верховного Суда РФ вновь обратился к вопросам возвращения уголовного дела прокурору, посвятив им специализированное постановление № 39, уже в п. 1 которого Пленум оперирует категориями, указывающими на потребность соблюдения баланса публичных и частных интересов: обозначает целью возвращения уголовного дела прокурору устранение препятствий к рассмотрению дела судом, непреодолимых в судебном заседании и не позволяющих суду вынести справедливое, законное и обоснованное решение (то есть называет данный институт средством обеспечения нормального осуществления функции правосудия, публичной по своей природе). Одновременно Пленум устанавливает ограничения на использование этого инструмента с учетом того, что «он затрагивает право на доступ к правосудию и его осуществление без неоправданной задержки»²⁴ (затрагивает частные интересы потерпевшего и подсудимого), требуя

возвращения уголовного дела лишь при наличии указанных в ст. 237 УПК РФ оснований.

Данный документ содержит детальное изложение правовых случаев, подпадающих под действие отдельных оснований возвращения уголовного дела прокурору. При этом Пленум пошел по пути минимизации бюрократизма в решении вопроса о существенности нарушений, влекущих применение п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, перечислив в п. 8 ситуации, которые исправимы в судебном заседании. Например, если в п. 14 постановления от 5 марта 2004 г. № 1 безусловным основанием возвращения уголовного дела прокурору признавалось «когда в обвинительном заключении или обвинительном акте отсутствуют указания на прошлые судимости обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу»²⁵, то новое постановление от 17 декабря 2024 г. № 39 не видит препятствий к рассмотрению уголовного дела в суде по существу, если «соответствующие сведения имеются в материалах уголовного дела либо дополнительно представлены государственным обвинителем»²⁶. И опять, формулируя разъяснения правоприменителям по вопросам, когда нарушение уголовно-процессуального закона может быть исправимо, Пленум в п. 8 излагает общее правило, вытекающее из важности соблюдения частного интереса подсудимого: исправление нарушения не приводит к изменению обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам, не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его право на защиту²⁷.

Возможность восстановления в суде прав потерпевшего, которыми он не смог воспользоваться в ходе предварительного расследования (п. 10 постановления № 39), исключает возвращение дела прокурору, но с учетом мнения потерпевшего (вновь в качестве критерия

22 О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 № 84 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 2 ; О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5 ; О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 2.

23 О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования.

24 Там же.

25 О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

26 О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору.

27 Там же. Сходным образом формулируются и разъяснения в п. 9 постановления № 39.

предотвращения возврата уголовного дела в досудебное производство использован частный интерес участника уголовного процесса).

Анализ содержания п. 12 постановления № 39 приводит к выводу, что Пленум Верховного Суда РФ избыточно акцентировал внимание на соблюдении частного интереса обвиняемого, посчитав, что в ходе предварительного слушания могут возникнуть ситуации, не позволяющие восстановить права последнего, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ. Состязательный режим предварительного слушания, дающий возможность не только разъяснять права обвиняемому и рассматривать возникающие в связи с этим его ходатайства, но и даже полноценно исследовать доказательства, – это универсальный, резервный инструмент исправления процессуальных нарушений, связанных с разъяснением прав участникам процесса. Предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ права на выбор судебной процедуры и состава суда без малейшего препятствия могут быть реализованы именно в рамках предварительного слушания. В связи с этим считаем, что из содержания п. 12 постановления № 39 надлежит исключить последнее предложение.

Что касается п. 15 постановления № 39, где акцентируется внимание на необходимости соблюдения судом *status quo* при инициировании возвращения уголовного дела прокурору, то данная проблематика, ввиду ее значимости в системе норм соответствующего института и дискуссионности, нуждается в отдельном масштабном исследовании.

Выводы

1. Баланс частного и публичного начал в уголовном судопроизводстве не является константой. Это весьма подвижная «субстанция», находящаяся под воздействием постоянно развивающихся общественных отношений (объективный фактор) и запросов правящих элит (субъективный фактор).

2. Ретроспективный анализ правового института возвращения уголовного дела прокурору сквозь призму баланса публичного и частного интересов показал постепенное усиление публичного начала за счет норм, расширяющих полномочия властных субъектов по устранению препятствий рассмотрения уголовного дела судом, увеличения числа оснований для такого возвращения, укрепления статуса суда в решении вопроса об инициировании возвращения уголовного дела прокурору. При этом законодатель не всегда при формулировании новелл, дополняющих данный институт, в должной мере учитывал правовые позиции Конституционного Суда РФ.

3. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 17 декабря 2024 г. № 39 минимизировал бюрократические аспекты при решении вопроса о существенности нарушений, влекущих возвращение уголовного дела прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Видя в данном институте способ устранения препятствий для рассмотрения уголовного дела в суде, Пленум в качестве критерия пределов допустимости этого способа избрал частный интерес потерпевшего и обвиняемого.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курбанов Д.А. Публичный интерес в системе законных интересов, подлежащих судебной защите / Д.А. Курбанов, М.С. Арутюнян, О.Ю. Хисматуллин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 2 (218). – С. 78–80.
2. Смирнова И.Г. Интерес – понятие уголовно-процессуальное / И.Г. Смирнова // Государство и право. – 2008. – № 8. – С. 14–18.
3. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – Москва : Юрист, 2009. – 175 с.
4. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике / Э.В. Алимов, Д.Р. Алимова, Х.И. Гаджиев и др. ; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – Москва : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2020. – 176 с.

REFERENCES

1. Kurbanov D.A., Harutyunyan M.S., Hismatullin O.Yu. Public Interest in the System of Legitimate Interests Subject to Judicial Protection. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2023, no. 2 (218), pp. 78–80. (In Russian).
2. Smirnova I.G. Interest Is a Concept of Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2008, no. 8, pp. 14–18. (In Russian).
3. Orlov Yu.K. Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings. Moscow, Yurist Publ., 2009. 175 p.
4. Lazarev V.V., Gadzhiev H.I., Alimov E.V. et al.; Lazarev V.V., Gadzhiev H.I. (eds.). Data Protection: Scientific and Practical Commentary on Judicial Practice. Moscow, CONTRACT Publ., 2020. 176 p.

5. Актуальные проблемы теории земельного права России : монография / Е.Н. Абанина, Н.Н. Аверьянова, А.П. Анисимов и др. ; под общ. ред. А.П. Анисимова. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 800 с.
6. Лысова-Бахарева Ю.В. Контроль агентов первичного финансового мониторинга за банковскими операциями своих клиентов как ограничение субъективных гражданских прав в банковской сфере / Ю.В. Лысова-Бахарева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 9. – С. 73–88.
7. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В.П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.
8. Зайцева Е.А. Применение специальных познаний сквозь призму Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ / Е.А. Зайцева // Адвокат. – 2013. – № 7. – С. 9–13.
9. Зайцева Е.А. Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования / Е.А. Зайцева // Судебная экспертиза. – 2016. – № 1 (45). – С. 38–45.
10. Зайцева Е.А. Постановление КС РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве / Е.А. Зайцева // Российский судья. – 2014. – № 5. – С. 39–43.
5. Abanina E.N., Averianova N.N., Anisimov A.P. et al.; Anisimov A.P. (ed.). Actual Problems of the Theory of Land Law in Russia. Moscow, Yusticinform, 2020. 800 p.
6. Lysova-Bakhareva Yu.V. Control of Primary Financial Monitoring Agents Over the Banking Operations of Their Clients as a Limitation of Subjective Civil Rights in the Banking Sector. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii = Property Relations in the Russian Federation*, 2022, no. 9, pp. 73–88. (In Russian).
7. Bozhev V.P. “Quiet Revolution” of the Constitutional Court in the Criminal Procedure of the Russian Federation. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2000, no. 10, pp. 9–11. (In Russian).
8. Zaytseva E.A. Application of Special Knowledge through the Prism of the Federal Law of March 4, 2013 No. 23-FZ. *Advokat*, 2013, no. 7, pp. 9–13. (In Russian).
9. Zaytseva E.A. Regulation of Forensic Examination at the Stage of Initiation of a Criminal Case: Current State and Ways to Improve. *Sudebnaya ekspertiza = Forensic Examination*, 2016, no. 1 (45), pp. 38–45. (In Russian).
10. Zaitseva E.A. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation on the Complaint of B.T. Gadaev and the Request of the Kurgan Regional Court: Reflections on the Court's Right to Return Criminal Cases to the Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings. *Rossiyskij sud'ya = Russian Judge*, 2014, no. 5, pp. 39–43. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайцева Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zaytseva Elena Aleksandrovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 31.01.2025. The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 31.01.2025.